

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

XV Международные Лихачевские научные чтения
14–15 мая 2015 года

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина
«Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева»
№ 587 от 23 мая 2001 года

Хотелось бы затронуть еще один момент визуализации данных событий — это реакции людей, отражающие ту или иную степень их самоидентичности. В коммуникативной реакции на реальность, зафиксированной либо участником событий (селфи), либо официальной хроникой, либо неофициальными лицами, мы видим, с одной стороны, непосредственный эмоциональный отклик людей на событие, а с другой — проявление специфики современного самосознания в моменты экзистенциальных переломов. Самосознание через селфи: селфи — это новый тип визуализации субъективной оценки происходящего.

Посмотрим на реакцию людей при прощании с Б. Е. Немцовым в Сахаровском центре и с В. Г. Распутиным в Сибири (последних практически нет в Интернете). Фотографии запечатлели живые реакции людей на скорбное событие, но в то же время они показывают подготовленность этих реакций (через коллажи, смонтированные фотографии героя, самопиар, заранее подготовленные и принесенные плакаты). Наблюдается специфически современная ситуация использования события для самопозиционирования: речь не только об официальных фотографиях — напоминаниях и до-

казательствах принадлежности к группам-селфи на фоне событий; здесь не может быть неподготовленной, тем способ идентификации со своей референтной группой.

На фото из Иркутска нет ни извещений, ни селфи; как известно из официальных источников, с В. Г. Распутиным пришли прощания земляков. Траур по русскому писателю был только в этом городе (2,5 млн жителей), что подтверждает суживание пространства до одной локальной точки на позиционной России. Рассмотрение в последние значимых событий в нашей стране дает вопрос о том, кто в нашей стране занимает — интеллигенция или народ?

Конечно, мы понимаем ограниченность визуализации социально-культурных процессов. Проведенный анализ фиксирует специфику современного национализма. Является ли это естественной нормой или может повлечь негативные последствия — вопрос, требующий более глубокого исследования, чем приведенное исследование.

М.

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: КОНСОЛИДАЦИЯ И РАЗВИТИЕ В РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Специфика современного этапа развития общества характеризуется масштабными трансформациями, происходящими в различных областях жизни. Утрачиваются еще вчера, казалось бы, незыблемые закономерности, уходят в прошлое органичность и целостность культурного универсума, ликвидируются его стабильность и предсказуемость. Вместе с нарастающей скоростью и радикализмом происходящих перемен нарушается устойчивость среды обитания — она все больше подвергается виртуализации и субъективации, в ней нарастает онтологический солипсизм. Темпы социокультурной динамики настолько возросли, что мир становится «ускользающим» (Э. Гидденс).

Уходит в прошлое последовательность традиционного, линейного типа развития, замененная сложными типами траекторий, в том числе цикличностью, возвратом и повторением, новыми принципами взаимодействия порядка и хаоса. На место предсказуемого, значимого мира приходит мозаичное многообразие, разнообразие сценариев возможного будущего, не поддающегося каким-либо прогностическим про-

цедурам — так называемый «конечный спектр» становится неопределенным. Экономические, политические, социальные риски, которые превращаются в принадлежность прогресса» (К. Белкин).

Общество стремится консолидироваться перед лицом потенциальных опасностей, осознавая стараясь спрогнозировать и предотвратить. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования системных стадий в числе основных, базовых идентичностей: национальная, социальная, конфессиональная, идеологические маркеры, опосредующие процесс идеологии и национализм, перспективы их развития. Важный вопрос и национальные интересы с периферии общественного внимания. В сточенной политической, идеологической борьбе, проецируются в фокус современности.

Актуализации данной проблемы также развитие глобализации. Развивающихся различных регионов, национальные границы становятся все более размытыми, утрачивается неповторимость наций, возможности ее сохранения (С. Р. О'Брайена и П. Верилио). Доминантная атлантическая либеральная европейская модель, оставшемуся миру собственную культуру, стереотипы образа жизни, тем сам-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Шепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История. Культура. Повседневность», «Эстетика повседневности», «История материальной культуры, быта и костюма», «Красное»; статей: «Культура и миф: прощание с модерном», «Утилитарные интенции искусства и архетип Европы», «“Звездная область” свободы: на пути к модерну», «Этнокультурный диалог как исторический опыт России», «“Третий Рим” как современность» и др. Член Московского культурологического общества.

украинского народа», причина цивилизации и деградация», и украинской государственной истории стал важнейшим исторической идентичности и идентичности независимой обнаруживает значимые составляющие этнических идентичностей, но экспертами².

комитетов Верховной рады и их этничности демонстрирует, и формирующийся олигархат с юго-восточных областей с направляет своих «аффилированных» всего в комитеты по собственности. Таковой была и по. Так, в Верховной раде V созыва авляли восемь комитетов: по воики; правосудия; государственнонациональной политики, местного сса организованной преступностью нта, депутатской этики и обеспечения; вопросам бюджета; правоохранения³.

превалировали в составе комитетованию, науке? Они долгое вредепутатами от партий, выдвигают империей, националистических рховной рады V созыва оппозиагандирующие негативное отно-

шение к России (Блок Ю. Тимошенко — БЮТ и блок «Наша Украина», включающий Народный рух Украины, Конгресс украинских националистов), возглавляли 13 комитетов, например БЮТ — комитеты по вопросам семьи, молодежной политики, спорта и туризма, вопросам свободы слова и информации, вопросам культуры и духовности⁴.

В Верховной раде VI созыва партии из блоков БЮТ и «Наша Украина — Народная самооборона» возглавляли 14 комитетов, в том числе по вопросам культуры и духовности; науки и образования; семьи, молодежной политики, спорта и туризма; европейской интеграции⁵. В Верховной раде VII созыва оппозиционные партии возглавляли 14 комитетов из 30, в том числе комитеты по вопросам национальных меньшинств и национальной политики; науки и образования; культуры и духовности, европейской интеграции⁶.

Результат такого доминирования оппозиционного институционального влияния на образование и культуру — изменение учебников истории, а с их помощью — формирование контриденциальностей на основе доминанты этнической идентичности, образа врага и образца. Это привело к ослаблению таких элементов общенациональной идентичности, как целостность государства, полуофициальное украинско-русское двуязычие, причастность значительного числа украинцев вместе с народами России к Великой Победе над нацизмом. Но, как показывают события 2015 года, не удалось сформировать и национальную идентичность на моноэтнической основе.

С. М. Климова⁷

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ПОХОРОН КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

зация фактов и процессов исторической жизни выступает одним из последовательских приемов в культуре, антропологии, журналистике.

сторія України: підручник для 9-го класу.

истории России и народов постсоветских бниках новых независимых государств / В. Филиппов. М., 2009.

України V созыва. URL: <http://dictionary.рращения>; 27.03.2015).

України. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/рращения>; 13.03.2015).

и Р. Верховная рада Украины VI созыва.

ерховной рады Украины VII созыва от 25 де-0 «О комитетах Верховной рады Украины». вы философии Высшей школы экономики, наук. Автор более 160 научных публикаций, шифия Мих. А. Лифшица как преодоление », «Реформа высшего образования: "Свой" г культур и партнерство цивилизаций". Раз-Лихачевских чтений, сидящего на балконе», ки на пути карьерного роста женщин-дека-его образования: поисковые исследования нитарная экспертиза трансгуманистических раждена Почетной грамотой Министерства РФ.

Предметом нашего внимания станет визуализация недавних событий, явившихся своеобразными маркерами элементов русского национального самосознания. Это — анализ фоторепрезентации двух похорон: прощание с убитым в ночь на 28 февраля 2015 года известным политиком-оппозиционером Б. Е. Немцовым и прощание с русским писателем В. Г. Распутиным, умершим в больнице 14 марта 2015 года, за день до своего 87-летия. Похороны, включающие семантику прощания с умершими и акты погребения, отражением ее фундаментальных архетипов. Перефразируя известного культуролога Л. Г. Ионина, который ввел в обиход понятие «некросоциология», можно сказать, что по тому, как мы прощаемся-хороним, почитаем наших соотечественников, можно судить о нашем национальном самосознании.

Национальное самосознание — сложный нравственно-мировоззренческий конструкт, который имеет набор базовых черт, характеризующих любой этнос, и периферийных характеристик, связанных с бытованием различных нарративов о реальных или мифологических ситуациях, о героях и антигероях, о мораль-

ных установках и т. д. Важную роль, безусловно, играют способы формирования национального самосознания, включающие и рациональные, и иррациональные установки. Практически все можно выявить, описать и сознательно позиционировать внутри этноса. А вот визуализация необязательно является контролируемым процессом и зачастую протекает стихийно. Поэтому визуальный ряд важных для нации процессов и событий может стать маркером каких-то ее явных, и особенно латентных, установок.

В связи с этим целесообразно обратиться к методологии «иконического поворота»¹, позволяющего переключить внимание с вербального анализа к визуальным репрезентациям социально-культурных реалий. «Господство нового средства коммуникации изменяет существо восприятия, что в конечном итоге ведет к изменению понятия реальности»². Современный человек тотально втянут в водоворот визуального мировоззрения, которое перестало восприниматься как какой-то объективный и отстраненный взгляд на мир, событие или объект, но стало его *мировидением* (неким образным выражением умо-зрения), соединяющим смотрящего субъекта с его же собственным конструированием реальности, на которую он смотрит. Посредниками выступают объектив, камера, визуальные гаджеты, играющие роль «очков» реальности, ставших оптическим «дьяволом визуализации» (В. Бачинин).

Рассмотрим фотоархивы упомянутых событий. Если для науки второй половины XX века принципиально важным было утверждение о том, что фото — это документ реальности, до такой степени объективный, что в нем есть нечто от смерти и воскрешения (Р. Барт), то сейчас ясно, что любая фотореальность есть система визуально представленных (постановочных) образов, которые мы *воспринимаем* как реальность. Фотография — не просто сертификат присутствия (Р. Барт), она становится доказательством реального существования и мира, и человека, и события. Сегодня ситуация включения субъекта в мир визуальных репрезентаций является доказательством его собственного существования и принадлежности к определенному, также визуализированному, сообществу с его ценностями, моралью, идеями и т. д. Нагляднее всего это демонстрирует фото типа selfie. «Я», сам себя фотографирующий на фоне событий, становлюсь гарантом реальности «фона»³, как одновременно и наглядным доказательством того, что я существую, принадлежу «фону» ценностно и оценочно (принимаю его или протестую против него). Желание стать непосредственным участником «реальных событий» благодаря разным формам технической обработки оборачивается психологической потребностью не только в визуальной самоидентификации, но и идентификацией идейной, культурной, национальной в том числе.

¹ См.: Орех Е. А. Визуальные методы в изучении социального пространства города // Человек. 2014. № 6. С. 35–36.

² Савчук В. В. Философия фотографии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 10.

³ В этом контексте можно по-новому прочесть строки Окуджавы, наполнив их глубоко ироническим и, увы, как оказалось, пророческим смыслом, когда Пушкин стал лишь «фоном» для снимающегося семейства и только благодаря этому факту «существует» в истории и значим в жизни этого семейства.

Используя некоторые методы и культурологического анализа фотобитий, выложенных в Интернете мы попытались раскрыть некоторые аспекты самосознания и способы его

Эмпирическая база исследования

- 1) официальные фотографии;
- 2) постановочные фотографии;
- 3) создание пространства self

события «на себя»;

- 4) использование вербальных материалов: слов и выражений, идейных тезисов участников фот
- 5) символизация мест и сим

ства и его границ в акте прощания

Какие ассоциации вызываются на мероприятиях? Смерть и похороны и отношение к ней, традиционные элементы национального самосознания? Символизм они обрели при жизни с Б. Е. Немцовым и В. Г. Распутиным?

Б. Е. Немцов — символический человек эпохи перемен, развала империи, один из разрушителей традиционных устоев прошлого века. Современная российская интеллигенция весьма схожей по своим характеристикам революционной интеллигенцией его отличала страсть к действию, ориентация на Запад, оппозиционность властям (звучит парадоксально, но в свое время был представителем властной оппозиционной интеллигенции (XIX в.), однако, есть принципиально не волнует «народ», интеллигентности для прежней русской интеллигенции, так и сегодняшняя либерально настроенная интеллигенция ориентирована на построение (программах) принципов демократизма и такой же риторикой.

В. Г. Распутин — великий русский писатель, почвенник, «нравственный лидер» своего народа; он никогда не совершал ничего подобного действиям не только его произведения и гражданские выступления против уничтожения русского народа на земле, против бесчеловечной и городской цивилизации. Он был интеллигентом, но он был плоть и кровь русского народа, которого всегда было «народом»; поэтому в традициях русского народа уместнее было бы сказать как о писателе, ставшем его символом

Что же мы обнаружили в ходе исследования похорон/прощания с двумя представителями русского общества?

Теперь к фактам. Во-первых, постановочные фотографии зафиксированы

етрии похорон/прощания: в прощании много участвовали десятки тысяч его разделяющих не только законное негодонасиленного убийства человека, традиционную точку зрения, то есть идею интеллигенции. Отпевание/прощание много привлекло внимание нескольких, включая представителей власти и интеллигенции там практически не было, в некоторых деятелей культуры. Первые похороны официальных лиц были и президент, и ряд членов Отпевал писателя патриарх Кирилл.

фотоматериалы прощания с Б. Е. Немцовой богибно зафиксировать идею «Насильственная смерть превратила иона в героический образ жертвенности, борьбы с властью. Герой — трагический «протестный» революционный символ российской интеллигенции», активных или пассивных борцов с властью. Этот образ был мгновенно мифологизирован и приобрело символическую коннотацию. Были фото, призванные создать мифическую историю на манер первомуоченности восточная символика усилена сотнями портретов и места убийства и прощания «протестный по законам жанра протестного мученика». Святые герои — тивологической интеллигенции. Наличии людей на его похоронах должно быть влияние властям и обществу силу.

центрирует фото демонстрации прощания? «Насильственная, восприятие — масштабности и идеологизации настроений интеллигенции в разы превышает интерес к народу — к литературе, русской культуре и косвенно к самому народу. Символические места прощания с Б. Е. Немцовым: прощание с первым провинциальным центром, идеологическом символическом оппозиционности официальной России. Прошание в Храме Христа Спасителя — символе русского православия, русской истории его подлинного прощания — символ русской провинции — русского народа и пространственно, и духовно — идеологических волнений. Другое социализирующееся с убийством и прощанием, отраженно в траурном марше памяти, на фоне которого происходил ряд тех же убийств, многотысячная демонстрация (марш) соратников с его портретами на глазах (или под пристальным взглядом) власти.

которое власти неожиданно разрешили пройти, пришли не менее 50 тысяч человек. Это произошло без происшествий. Его участники держали флаги в руках прошли от Китайского моста на Большом Москворецком мосту: <https://meduza.io/feature/2015/03/01/eti-puli-vv>

Таким образом, пространство похорон/прощания было определено двумя официальными символами России — Кремлем и Храмом Христа Спасителя и двумя неофициальными — Сахаровским центром и русским городом в Сибири.

Как это ни парадоксально звучит, но визуальный ряд позволяет нам показать оппозицию двух официальных пространств — Кремля и Храма Христа Спасителя и двух неофициальных — Сахаровского центра и Сибири. Кремль, Красная площадь, Васильевский спуск и так далее, портреты героя и демонстрационная форма движущейся толпы провожающих оказались в одном семантическом пространстве с официальной государственной властью. Храм Христа Спасителя выполнил свою классическую функцию духовного прощания и единенности в таинстве отпевания. Эти два локуса продемонстрировали полное соответствие тем акциям, которые в их границах разворачивались, то есть становится очевидным санкционирование, разрешение, одобрение этих действий властью и церковью.

Второй пространственный маркер — марш памяти в районе Красной площади по прилегающим улицам — не столь семантически очевиден, но вполне репрезентативен; он отражает традиционную символику культуры демонстраций и шествий в России еще с советских времен. Именно визуальная картина демонстрации прощания с оппозиционным политиком подтверждает идею лояльности данному действию со стороны властей, а проход на фоне Красной площади визуально схож с первомайскими демонстрациями советского периода, что наводит на мысль о негласной организации данного мероприятия вышестоящими структурами. Движение «народа» с портретами «вождя» — закреплённый образ единения с властью. Возникает обидная для оппозиции идея организации властью протестного движения в России и манипуляции им. Огромное количество участников ассоциируется с традиционной для властей принудительностью массовых заказных мероприятий, побуждающих людей участвовать в них.

Ситуация со вторым прощанием совсем иного типа. Она официально организована и проведена по регламенту принятой культурной традиции и практики религиозной жизни. Но практическое отсутствие масс, шествий, потока официально скобящихся показывает нам все особенности происходящего. Присутствие президента и патриарха на отпевании В. Г. Распутина — достаточный повод для организации масштабных действий, что было легко сделать. Их отсутствие позволяет предположить формальное отношение присутствующих к акту прощания. Непостановочность происходящего очевидным образом вытекает из увиденного.

Кого же отпевали в Храме Христа Спасителя и кто отсутствовал в очаге духовного центра России? Вопрос странен, а ответ очевиден: в Храме Христа Спасителя 18 марта 2015 года прошли тихие проводы русского человека и русского народа, не замеченные шумной оппозиционной интеллигенцией, нашими героями. Отсутствие масс в храме — символ утраченного Россией: потери почвы, русского крестьянства, русского народа.